

Иерей Иоанн Палисадов

*Во обличение тех,
кто откладывает*

Тричащение

до последних минут

жизни

Печатается по рекомендации
Издательского Совета
Русской Православной Церкви

Москва

2003

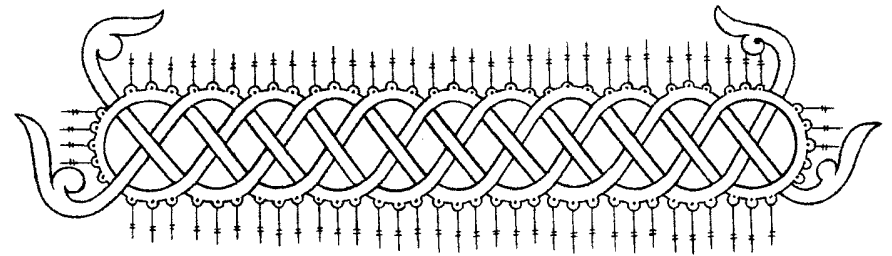
Приход храма Святого Духа сошествия

Чаша Господня — сообщество с Ангелами, а без Чаши Господней с кем будет сообщество, кроме бесов? Кого чуждаются Ангелы, того похищают бесы. Что, если бы спросить кого-либо так: чего ты больше хочешь — иметь ли Жизнь Вечную или смерть вечную? Получить царство небесное или геенну? Быть в обществе Ангелов или бесов? Не знаю, найдется ли такой, который бы сказал: «Мне лучше смерть, чем жизнь; лучше геенна, чем царство; лучше бесы, чем Ангелы». Не всякий ли скажет так: «Лучше жизнь, чем смерть, лучше царство, чем геенна; лучше Ангелы, чем бесы», ибо всякий человек естественно и разумно больше желает лучшего, а не худшего. Если же, о человек, ты желаешь лучшего, то почему пренебрегаешь Чашей Господней? Если ты боишься вечной смерти, то почему отверщаешься от Вечной Жизни, находящейся в Чаше Господней? Если геенны трепещешь, то почему не ухватишься за Царство, находящееся в Чаше Господней? Если избегаешь бесов, почему не приближаешься к Ангелам, благоговейно окружающим Чашу Господню?

Святитель Димитрий Ростовский

Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского, строго соблюдая авторские права других издательств и авторов, считает, однако, неуместным понятие авторского права в издании православных книг, т. к. авторство слова Божия принадлежит Богу. По традиции не принято подписывать православные иконы, т. к. их автор — Святой Дух. Летописцы и многие древние духовные писатели по смирению скрывали свои имена. Мы будем рады любым перепечаткам книг нашего издательства, кроме особо оговоренных, авторы которых против переиздания без их согласия. Если какую-либо книгу нашего издательства перепечатают, это будет свидетельствовать только о том, что книга хорошая и нужна людям.

Ч истинно православные христиане могут быть удивлены неожиданным названием этой брошюры: как это — исповедь, и глухая? Но, к сожалению и к стыду образованного века, подобная несообразность действительно существует не только в темных головах суеверного, необразованного нашего народа, но даже, оказывается, и в умах некоторых представителей современной науки, в частности, медицины, зараженных неверием и дерзким кощунством даже над святыми Таинствами веры православной. Вот тому доказательство.

Неделю тому назад приходит ко мне вечером один гимназист, молодой человек лет семнадцати, и со слезами на глазах рассказывает следующее:

Его отец, г. П. Ф. Б., глава большой семьи, живущей в страхе Божиим и православии, уже седьмой месяц находится в тяжкой, неизлечимой болезни. По словам сына его, слышавшего о ходе болезни отца от доктора, одно легкое совсем уже сгнило, и печальный исход болезни признан тем же доктором неизбежным. Жена больного и все родные после того, как доктор объявил им, что страждущий должен умереть и притом вскоре, даже, может быть, внезапно, со своей стороны, пожелали заблаговременно заняться последним напутствием больного в жизнь вечную через Таинства покаяния и Причащения, о чем и сказали

доктору. Но доктор строго запретил им даже напоминать об этом больному, чтобы «не испугать его» и тем не ускорить его смерти.

«Что ваш больной,— говорил доктор,— проживет недолго, это несомненно. Но, во всяком случае, я не могу положительно сказать когда именно он умрет. За эту ночь ручаюсь; он будет еще жив и завтра утром, а там увидим, какой ход примет его болезнь. Быть может, она продлится еще месяц или два. Но, Боже сохрани, если вы напомните ему о Причащении! Это убьет его преждевременно, и тот, кто решится напомнить ему об этом, примет тяжкий грех на свою душу, потому что он ускорит смерть больного.

Нужно дожидаться,— продолжал доктор,— пока сам больной изъявит желание причаститься, или пока он дойдет до такого бессознательного положения, что уже не будет понимать, что с ним будут делать. Тогда можете пригласить своего «попа», и он сделает ему «глухую исповедь» и причастит его, как это часто делают и наши ксендзы. Ведь Таинство Причащения при этом не потеряет своей силы. Оно может заменить и исповедь, потому что в нем также прощаются все грехи».

Госпожа Б. пришла в ужас от этих слов иноверца-доктора, тем более, что она, как женщина вполне православная, очень хорошо понимала, что «глухая исповедь» существует только в умах не понимающих всей силы, условий и важности Таинства святого покаяния. А потому она и послала сына ко мне, как отцу духовному, за советом.

На другой же день, утром, я отправился к больному, взяв с собою Святые Дары. К сожалению, я пришел не вовремя, при больном был доктор (но уже другой, а не прежний), который, потолковав с больным и удаляясь от него, не велел его никому беспокоить. Меня просили зайти вечером. Я пришел вечером и был допущен к больному. Беседуя с ним, я старался выбрать удобную минуту, чтобы напомнить ему об исповеди и Св. Причащении. На мое предложение

принять Святые Тайны больной отвечал, что он к этому не готов и не может поститься по причине болезни. «Я исполню это,— говорил он,— когда поправлюсь». Разъяснить, что «при необходимости бывает перемена в законе» (см. Евр. 7, 12), было неуместно. Больной стал засыпать. Так как ни от больного, ни от жены его я не получил дозволения приступить к святому делу, то и оставил его до дальнейшего, более опасного, поворота болезни его, тем более, что твердость мысли и голоса больного пока еще не давали повода для серьезного опасения за его жизнь.

Не знаю, что сказал бы доктор, если бы я решился настоятельно требовать от больного исполнения священной христианской обязанности. Без сомнения, весь неуспех своего лечения, а может быть, и скорую смерть страдальца он приписал бы тому, что я «напугал его Причащением», и пожалуй, после этого написал бы на меня свою претензию во имя гласности. По крайней мере, он с радостью воспользовался бы этим обстоятельством, чтобы вывести себя из неловкого положения, если бы при входе в квартиру больного ему пришлось увидеть крышку гроба его пациента, что и случилось вскоре. Впрочем, он умер с покаянием и после принятия Святых Таин. «Очень жалею,— говорил он после этого,— что я не причастился раньше; так легко мне теперь!»

Православные! Предоставляю вашему и Божию суду такое вопиющее зло со стороны иноверца-доктора, который, может быть, не в первый раз позволяет себе вмешиваться со своим убийственным советом и пагубным для души больного запрещением касательно принятия Святых Таин в такое дело, в котором, при всем его докторском уме, очевидно, он становится на степень злостного невежды.

Ради Бога, в подобных случаях не слушайте никакого доктора и, если угодно, в исполнение слов Писания, *почитая врача честью по надобности в нем* (Сир. 38, 1) и исполняя его предписания с возможной аккуратностью, в то же время не забывайте, что *исцеление* больного зависит

от *Вышнего* (Сир. 38, 2). И поэтому, без всякого опасения за жизнь больного, старайтесь заблаговременно располагать его к добровольному принятию им Таинств покаяния и святого Причащения, пока он не дошел еще до состояния «глухой», не принимаемой Церковью, исповеди.

Не забывайте, что во всякой скорби и болезни не после, а прежде и более всего мы должны искать себе утешения у Господа. Начинайте врачевать больного с молитвы за него ко Господу; и Господь, Премудрый, Всеблагодь и Всемогущий, пошлет к нему опытного врача, которого Он же поставил на благое дело, и которому Он Сам поможет исцелить больного, указав подходящие способы, особенно, если и сам врач — человек верующий, а не из числа тех, которые советуют больным «глухую исповедь» и боятся святого Причащения, как кое-кто — ладана.

И в самом деле, что такое «глухая исповедь»? Исповедываться — значит поведать то, что кроется внутри меня, в моей душе, в уме и сердце, в моем сознании, и поведать это, то есть, выразить, открыть, обнаружить непременно какими бы то ни было внешними знаками, т. е. или словами, или, по недостатку этой способности, от природы ли или от тяжкой болезни, какими-нибудь другими, но непременно сознательными знаками и телодвижениями.

«Необходимость устного исповедания грехов перед священником сама собою очевидна из того, — говорит преосвященный Макарий, — что разрешить грехи в Таинстве покаяния должен священник, а чтобы разрешить или не разрешить какие-либо грехи, надо сначала знать их. Господь даровал пастырям Церкви Божественную власть “вязать и разрешать” (102 правило Трульского собора; см. также Ин. 20, 23), без сомнения, не с тою целью, чтобы они “вязали и разрешали” по безотчетному произволу, но

чтобы, напротив, отпускали грехи именно тем, кому можно отпустить, судя по свойству их раскаяния и по степени их грехов; а не отпускали тем, которые окажутся недостойными прощения, по своей ли нераскаянности или по тяжести своих преступлений».

Это догматическое учение, как достояние Вселенской Церкви, подтверждается и свидетельствами Святых Отцов и учителей Церкви, и правилами соборов вселенских и поместных. Из всех этих свидетельств и правил ясно видно, как читаем, например, в 102 правиле Трульского собора, что принявшие от Бога власть «разрешать и вязать» должны рассматривать качество греха и готовность согрешающего к обращению, и таким образом употреблять приличное недугу врачевание, чтобы, не соблюдая меры в том или другом, не утратить возможности спасения недугующего. Или, как читаем у свт. Иоанна Златоуста: «Скажи грех, чтобы разрешить грех; скажи слово, откройся в грехе и скажи: я согрешил». Опять же: «скажи, откройся», а без этого каким же образом принявшие от Бога власть «разрешать и вязать» могут рассмотреть качество греха и готовность согрешающего к обращению?

Но, положим, что в случае смертной опасности духовный отец больного должен иметь о нем самое благоприятное мнение, и тогда, когда жизнь его видимо угасает, уже не время рассматривать подробно ни качество грехов, ни степень раскаяния в них. У духовного отца в эту пору, относительно умирающего, остается, так сказать, одна власть — только «разрешить» его во всех грехах, даже и в том случае, если бы умирающий находился под иерейским или архиерейским запрещением. Но и это последнее разрешение, даже в прощальной молитве, по смерти преподаваемое верующему, не иначе преподается, как только под условием его раскаяния,

¹ Преосвящ. Макарий. Догматическое богословие. Т. IV. С. 253–255.

² Беседа о покаянии к антиохийскому народу.

¹ Догматическое богословие. Т. IV. С. 252.

которое он мог, находясь еще в живых, выражать сознательно, если не словами, то, по крайней мере, известными знаками сокрушения, как это видно из самой разрешительной молитвы.

Таким образом, не только умирающие, но и все умершие при их погребении получают разрешение только в наложенных запрещениях или епитимиях за прежние свои грехи, в которых они раскаялись, а не за те грехи, в которых они не каялись; не потому, впрочем, что по немощи естества предали их забвению, а потому, что упорно не хотели в них раскаяться.

«Когда нужно спасти погибающего,— говорит свт. Иоанн Златоуст,— то тут время не суда и строгого исследования, но только человеколюбия и прощения. Ни один врач, вместо того, чтобы дать лекарство больному, не подвергает его взысканиям и истязаниям за беспорядочную жизнь». Но тот же свт. Иоанн Златоуст дальше объясняет, что это нужно разуместь только в отношении к тем, которые обращаются ко Господу, то есть к кающимся, хотя бы и уже перед самой кончиной.

В книге «Напоминание священнику об обязанностях его при совершении Таинства покаяния»¹ говорится: «Того больного, который показывает и показывал некоторые знаки сокрушения, движением головы, рук и проч., священник должен разрешить от всех грехов. Но когда священник придет к такому больному, который или не может никаким образом обнаружить желание исповедать грехи свои или показать свое сокрушение в них, то, если есть свидетели, что он до его прихода достаточно обнаружил такое желание и сокрушение, можно разрешить, как учат Отцы Карфагенского IV собора 388 года, папа Иннокентий, свт. Лев Великий и другие.

¹ См. об этом подробнее: Еп. Вениамин. Новая Скрижаль. Ч. IV. Гл. 24. § 18 и Камень веры о благотворении преставльшимся.

² Ч. II. С. 266

Но что делать тогда, когда нет свидетелей? Об этом Церковь ничего не говорит. В этом случае, предоставляя участь больного суду Божию, духовный отец должен иметь мнение самое благоприятное для больного и может разрешить его, если только он не был нераскаянным грешником или не был застигнут болезнью среди греха и преступления. Ибо если умирающий лишился разума во время совершения греха, то не должно разрешать его, когда он, по причине лишения разума, не может раскаяться во грехе, ибо его нерасположение очевидно.

Не следует отходить от больного, чтобы, в случае, если он придет в разум, можно было возбудить его к покаянию и разрешить. Если кто внезапно будет поражен параличом или какой-либо другой болезнью, приводящей в онемение тело и душу, или упадет чуть живой с крыши здания и не сможет показать никаких признаков покаяния, и предстоящие не могут дать о нем свидетельства, то здесь есть место сомнению в его желании исповедаться, и можно преподать разрешение только под условием².

Но и подобного рода снисхождение к умирающему, как оно, по-видимому, ни благоприятствует мнению о «глухой исповеди», говорит только о разрешении и то словами: «можно, только, под условием». Но мне кажется, что в случае паралича, при онемении тела и души, когда умирающий не может показать никаких признаков покаяния, нет особой нужды в немедленном разрешении, потому что это разрешение есть то же самое, которое дается всякому умершему, даже и без покаяния, исключая умышленных самоубийц и нераскаянных еретиков, в прощальной, разрешительной молитве, при самом погребении.

Но одно дело разрешение и другое — Причащение умирающего. Хотя согласно 13 правилу первого Вселенского собора «о находящихся при исходе жития» необходимо соблюдать древний закон и правило, чтобы отходящий не был лишен последнего самого нужного напутствия, в конце

того же правила прибавлено: «вообще, всякому отходящему, кто бы он ни был, просящему причаститься Евхаристии, с разрешения епископа да преподаются Святые Дары». Здесь слова «просящему причаститься» ясно указывают на то, что умирающий только тогда может быть приобщен, когда он этого желает или просит, а это, без всякого сомнения, предполагает, что в нем есть еще сознание, есть вера и при ней, выражаемое устами или знаками, исповедание. Причем, эта вера, по слову апостола, должна быть верой испытанной: *да испытывает человек сам себя, и так от хлеба да вкушает, и от чаши да пьет* (1 Кор. 11, 28).

В практическом изложении церковно-гражданских постановлений в руководство священнику сказано: «Больные причащаются во всякое время и в домах, без соблюдения правила, положенного для приготовления к святому Причащению, но не иначе, как после исповеди. Поэтому “изумленным или обмершим”, то есть вообще потерявшим сознание и впавшим в бесчувствие, запрещается преподавать Святые Тайны, пока они не придут в сознание и чувство, и не исповедуют грехов своих в сердечном сокрушении”⁷⁵. Больных, находящихся на смертном одре, хотя бы они были под запрещением⁷⁶, священник не только может, но и должен разрешать во всех грехах, если они раскаиваются, и сподоблять причастия Святых Таин».

В этом случае для желающих принять Святые Тайны Св. Отцы сокращают только время покаяния, определенное уставами Церкви, даже сокращают для них молитвы, как перед исповедью, так и перед самым Причащением; но отнюдь не освобождают их от покаяния, требуя перед Причащением обязательной предварительной исповеди, хотя бы и самой краткой, по нужде и смертной опасности, но отнюдь

не «глухой». Вот что говорит об этом свт. Григорий Нисский: «Если кто, не исполнив времени покаяния, определенного правилами, т. е. епитимии, отходит от жизни, то чело- веколюбие Отцов повелевает, да причастится Святых Таин, и да не без напутствия отпущен будет в это последнее и дальнейшее странствие».

Поэтому и в книге «О должностях пресвитеров приходских» сказано: «Да наблюдает пресвитер неусыпно, чтобы больные без причастия Святых Таин, как всенужнейшего и спасительного напутствования, в жизнь иную не отходили. И для этого да увещевает прихожан, чтобы, имея в доме больного, они тотчас извещали его, а он, будучи извещен, все оставив, да поспешит к больному, чтобы, пока тот находится в здравом уме, привести его к покаянию истинному и по исповеди достойно причастить (а не без исповеди), и с таковым напутствием отпустить в надежде воскресения и жизни вечной. В противном случае, если по чьему-либо нерадению больной умрет без причастия, иерей подлежит жестокому наказанию или, по рассмотрению обстоятельств, извержению, не известившие же — отлучению от Божественных Таин».

Таинство святого Причащения, с одной стороны, весьма необходимо для напутствия умирающих, с другой, — так важно, велико и страшно, что не только приступающие к нему, но и сами преподающие его должны относиться к нему со страхом и трепетом, особенно в том отношении, чтобы *не давать святыни псам и не бросать жемчуга перед свиньями* (Мф. 7, 6), не зная того, желает ли больной святого Причащения или нет. Откуда мы знаем, в случае полного омертвения его души и тела, в каком настроении духа он находится в предсмертные минуты и угодно ли не только ему причаститься с верою в заслуги Искупителя, но и Самому Господу удостоить его того высочайшего блага,

⁷⁵ С. 75

⁷⁶ Учительное известие и о должностях пресвитеров приходских. С. 114.

⁷⁷ С. 76.

⁷⁸ Каноническое Послание к Литою. Правило 7.

⁷⁹ Учительное известие и о должностях пресвитеров приходских. С. 116

которого, по неисповедимым судьбам Своим, Он лишает иногда и человека верующего, по-видимому, всю жизнь проведшего благочестиво?

Из духа отеческих писаний мы знаем, что действительно иногда Господь удостоивает перед смертью Святого Причащения и людей, не отличавшихся благочестием, как последнего в их жизни благодатного дара. И напротив, за какие-либо прежние грехи, хотя в свое время и очищенные покаянием, Он лишает этого последнего напутствия — святого Причащения — и самого праведника, употребляя это как одно из средств духовного, Ему одному известного наказания, в очищение грехов юности, неведения, забвения и т. п.

Кроме того, всякое Таинство непременно требует со стороны приемлющего доброй воли и истинной веры, с ее выражением, обнаружением или исповеданием устами или вообще какими бы то ни было внешними знаками или действиями. Причащать больного, находящегося без сознания, (не младенца) после «глухой», или что то же, никакой исповеди значило бы то же самое, что поймать насильно кого-нибудь из неверов и погрузить его в купель, не спрашивая — хочет ли он креститься или нет; или и из верующих взять насильно совершеннолетних юношу и девицу и сочетать их браком, не спрашивая у них на то никакого согласия. После этого что же еще остается? Значит и мертвого можно и крестить, и причастить, и обвенчать по смерти!...

Какое страшное и убийственное для души заблуждение в одной той мысли, что Причащением можно напугать больного, и будто бы от этого испуга он может умереть преждевременно! Разве Причащение — отравка для больного? Какое богохульство, какое отрицание от Христа, какая клевета на Него, подобная второму Его распинанию! Где написано о том, что Причащение больного есть верное средство проводить его на тот свет? Не отсюда ли взялось это пагубное понятие о Святом Причащении, и особенно о Елеосвящении, при напутствии болящих, в результате которого

большая часть наших больных, по милости иных родных и некоторых докторов, прибегает к ним, а вместе и к нам, служителям Таин, не в начале болезни, а уже в последние предсмертные минуты своей жизни, после чего, действительно, многие тотчас и умирают?

Не от того ли так неправильно смотрят на эти Таинства в своей болезни многие из страждущих, не потому ли и сами они отклоняются, и их родные иногда всеми силами отклоняют их от этого духовного врачевства, прежде чем не убедятся в том, что все земные средства уже истощены. Многие даже и при желании больных принять Святые Тайны советуют им подождать до последней степени возможности, иногда действительно до отупения и онемения, из опасения, как бы больной, приняв Святые Тайны, не умер тотчас же после их принятия. В результате многие больные и умирают не только без Елеосвящения, но даже без исповеди и Святого Причащения.

Почему? Потому что иногда родные страждущего, постоянно обманывая его, так же как и иные доктора, ложной надеждой на скорое выздоровление, отдаляют от него спасительную мысль о последнем напутствии в вечную жизнь и посылают за священником уже тогда, когда больной, потеряв сознание, лишится способности не только словами выражать свою исповедь, но даже и знаками.

Конечно, для Господа, Который не только исцелял расслабленных, но и мертвых воскрешал, *все возможно* (Мк. 10, 27). Он может и с одра смерти воздвигнуть больного. Но зачем же искушать Господа, требуя от Него чудес, особенно, когда в душе своей мы не имеем такой веры, которая могла бы подвигнуть Его милосердие на дело всемогущества! А этой веры действительно не имеет тот, кто в самом начале болезни близкого сердцу человека не хотел прежде всего обратиться с молитвой о нем ко Господу, а обращается уже тогда, когда уже сама молитва его становится вынужденной и как бы невольной, а следовательно, и неискренней.

Вообще говоря, стыдно православным христианам не знать и не понимать силы и значения Таинств той веры, которую они исповедуют. Непростительно для них предполагать, что святыми Таинствами покаяния, Елеосвящения и Причащения можно напугать больного и заставить его умереть преждевременно.

К сожалению, пример ученого невежества в делах веры и наглого вмешательства некоторых докторов не в свою область — не единственный. Среди множества других могу указать еще два случая.

Однажды, — это было в 1860 году, — духовная дочь моя, Н. Н. Ч., тяжело заболела. Ее родные, не видя никакой надежды на ее выздоровление, позвали меня побороть ее, исповедать и причастить, чего желала искренно и сама больная; но доктора, который лечил ее, предварительно об этом не спросили. Во время совершения над больной Таинства святого Елеосвящения вбегает доктор-француз, временно проживающий в России, и при виде того, что делается над больной, не снимая своей фуражки, бросает на меня дикий и свирепый взгляд. «Что это вы делаете? — крикнул он на родных. — Вы напугали больную! Теперь я не берусь ее лечить и не ручаюсь за ее жизнь!» С этим он и ушел. Между тем больная, в явное посрамление нечестивца-доктора и явное доказательство целебной силы Таинства Елеосвящения, по вере ее и молившихся о ней вскоре поправилась и до сих пор жива и здорова.

Еще случай. Как-то прибегают ко мне дети чиновника Р.: «Сделайте одолжение, батюшка, приходите к нам поскорее: папаша умирает». Оставив все свои занятия, сейчас же побежал я с ними. Прихожу в их квартиру со Святыми Дарами. Больной без гласа, глаза его закатываются, в горле хрипит, сознания нет. — «Что же вы, — говорю, — раньше-то меня не позвали?» — «И хотели, батюшка, — отвечали дети умирающего, — и сам папаша, пока был в сознании,

желал принять последнее напутствие, да доктор не велел. Говорит, что напугаете его».

Больной умер на моих глазах, без покаяния.

Приведенные примеры не единственные. Их много было и бывает, без сомнения, и у других духовных отцов, которые молчат по излишней скромности, хотя им следовало бы заявлять об этом для спасения умирающих и отрады их родных, а тем более для вразумления суеверных духовных убийц, подобных некоторым докторам.

Закрываю свою статью выписками из памятной книжки священника.

«Иисус Христос говорит: “Я болен был, и вы не посетили Меня; в день Суда Я осужу за сие людей, тем более священников” (ср. Мф. 25, 43—46).

Грех — не оказывать нужной телесной помощи больным; тем больший грех — отказывать в духовной помощи.

Во время болезни бывает в опасности тело, но гораздо в большей опасности находится душа.

На опасно больных диавол нападает сильнее, зная, что имеет мало времени.

Но страшно впасть в руки Бога живого! Итак, с каким тщанием ты, иерей, должен готовить души к переходу в вечность! О, если по твоей вине хотя только одна душа в последней опасности лишится освящающей благодати, если по твоему нерадению она не будет напутствована Таинствами покаяния и Причащения и предстанет перед Богом обремененная грехами, и на Суде осудится, то какое преступление ты совершишь! Какое отмщение ожидает тебя! Во веки веков станешь проклинать тебя погибшая душа, будет мучить и терзать тебя вечно.

Итак, как скоро ты услышишь, что кто-либо из твоих пасомых очень болен, то беги к нему и, изъявив сострадание

¹ М. 1860. С. 243 и 244.

к его страданиям и словом любви открыв для себя сердце его, совершай служение твое.

Если хочет принять Святые Дары, то преподай; если не хочет, а болезнь угрожает опасностью, то настаивай, обличай, побуждай, умоляй. Нельзя быть беспечным, когда дело идет о вечной участи.

Не отходи, доколе не возьмешь овцу на рамена свои.

Хотя это прекрасное наставление более всего относится к священнику, но во многих случаях оно относится и к телесному врачу больного, и к родным его.

Ученейшие доктора! Ко множеству познаний, которыми по милости Божией вы обладаете в деле врачевания больных, присоедините, ради Господа, и это небольшое наставление нашей Православной Церкви. За эту услугу вам сторицею воздаст Всевышний; и ваши пациенты вам будут вечно благодарны. Не губите души православных, но спасайте их! А чтобы этого достигнуть, всегда помните притчу сию: *Врач, исцелись сам* (Лк. 4, 23).

* * *

Бог тебе не враг, а Врач: исцелить тебя, а не погубить хочет. Зачем же избегаешь Его Божественной Чаши? Лучше тебе, приняв духовное лечение, исцелиться, чем, избегая лечения, в большие греховные болезни впасть и погибнуть.

Святитель Димитрий Ростовский

* * *

Ты стыдишься и краснеешь, когда нужно сказать свои грехи. Стыдись лучше грешить, чем исповедоваться. Размысли: если не будет принесена исповедь здесь, то все будет исповедано там перед всей вселенной. Где больше мучения? Где больше стыда? На деле мы отважны и бесстыдны, а когда должны исповедоваться, тогда стыдимся и медлим.

Преподобный Ефрем Сирин

